

СЛАВЯНЕ НА ДУНАЕ. ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ

Ad memoriam Л. Нидерле

Пражская культура в Чехии, Моравии и Словакии — славяне и их контакты

Первые славяне и их соседи в Потисье и рядом

Модель славянской экспансии в Восточных Альпах

О славянизации Северной Далмации и Иллирии

Раннеславянские памятники в Сербском Подунавье и на Северо-Востоке Балкан

Разные славяне Псевдо-Маврикия

Вооружение и конское снаряжение у славян

По следам прошлых дискуссий

Ответственные редакторы: Роман А. Рабинович

Игорь О. Гавритухин

E-ISSN: 1857-3533

Stratum plus. No. 5.
Archaeology and Cultural Anthropology

The Slavs on the Danube. Homeland Found

Ad memoriam L. Niederle
Prague Culture in Czechia, Moravia and Slovakia — the Slavs and their contacts
The first Slavs and their neighbors in Tisza Region and in the neighborhood
A model of Slavic expansion in the Eastern Alps
On Slavisation of Northern Dalmatia and Illyria
Early Slavic sites in Serbian Danube region and in the North-Eastern Balkans
Different Slavs of Pseudo-Maurice
Slavic Ammunition and Horse Harness
Follow-up to earlier discussions

Editors-in-Charge — Roman A. Rabinovich,
Igor O. Gavritukhin

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2015

Stratum plus. Nr. 5.
Arheologie și antropologie culturală

Slavii de pe Dunăre. Descoperirea patriei

Ad memoriam L. Niederle
Cultura Praga în Cehia, Moravia și Slovacia — slavii și contactele lor
Primii slavi și vecinii lor pe Tisa și în apropiere
Modelul expansiunii slave în Alpii de Est
Despre slavizarea Dalmației de Nord și a Iliriei
Monumente slave timpurii în Serbia Dunăreană și în nord – estul
Balcanilor
Slavii diferiți ai lui Pseudo-Mauricius
Armament și piese de harnașament la slavi
Pe urmele vechilor discuții

Redactorii responsabili — Roman A. Rabinovich,
Igor O. Gavritukhin

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2015

Посвящается 150-летию со дня рождения
Любора Нидерле

Volume dedicated to Lubor Niederle's 150th Birthday
Se dedică aniversării a 150-a de la nașterea lui Lubor Niederle

Фотография Любора Нидерле любезно предоставлена Институтом археологии Академии наук Чешской Республики в Праге

СОДЕРЖАНИЕ

AD MEMORIAM

- И. О. Гавритухин (Москва, Россия). Дунайский «страт» раннеславянской археологии. От редакторов этого номера 17**
- Д. Елинкова (Брно, Чехия), И. О. Гавритухин (Москва, Россия). Любор Нидерле (1865—1944) 27**
- В. Я. Петрухин (Москва, Россия). Любор Нидерле и начало славян. . . 35**

«... СЪЛИ СУТЬ СЛОВЪНЕ ПО ДУНАЕВИ ...»

- М. М. Казанский (Париж, Франция). Вооружение и конское снаряжение славян V—VII вв. 43**
- Н. Профантова (Прага, Чехия). Славяне на территории Чехии и их контакты в VI—VII вв.. . . . 97**
- Д. Елинкова (Брно, Чехия). К изучению культуры с керамикой пражского типа на территории Моравии: формирование и особенности. 117**
- Г. Фусек (Нитра, Словакия). Древнее славянское население на территории Словакии 151**
- И. Станчу (Клуж-Напока, Румыния). Ранние славяне в румынской части Карпатского бассейна. 163**
- П. В. Шувалов (Санкт-Петербург, Россия). Разные славяне в «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия 217**

«... ДА И ЗА ДУНАЙ, ЗА ДУНАЙ ...»

А. ПлETERский (Любляна, Словения). Ранние славяне в Восточных Альпах и на соседних землях	227
Дж. Янкович (Белград, Сербия). О славянизации Северной Иллирии и Далмации.	249
Д. Радичевич (Белград, Сербия). К изучению раннеславянских памятников Сербского Подунавья (вопросы хронологии и этнокультурной принадлежности)	285
Н. Хрисимов (Велико Тырново, Болгария). Раннеславянские памятники в северо-восточной части Балканского полуострова.	309

ПО СЛЕДАМ ПРОШЛЫХ ДИСКУССИЙ

Л. С. Клейн (Санкт-Петербург, Россия). Ленинградский неонорманизм — в самом деле?	345
О. Л. Губарев (Санкт-Петербург, Россия). «Неонорманизм» или неoантинорманизм?	351
Список сокращений	357
Авторам <i>Stratum plus</i>	359

CONTENTS

AD MEMORIAM

I. O. Gavritukhin (*Moscow, Russian Federation*). **The Danube “Stratum” of the Early Slavic Archaeology. A Word from the Editors.** 17

D. Jelínková (*Brno, Czech Republic*), **I. O. Gavritukhin** (*Moscow, Russia*).
Lubor Niederle (1865—1944) 27

V. Ya. Petrukhin (*Moscow, Russian Federation*). **Lubor Niederle and the Beginning of the Slavs** 35

“... AND THE SLAVS SETTLED ON THE DANUBE ...”

M. M. Kazanski (*Paris, France*). **Slavic Weapons and Harness of the 5th—7th Centuries** 43

N. Profantová (*Prague, Czech Republic*). **Slavs on the Territory of Czechia and their Contacts in 6th—7th Centuries** 97

D. Jelínková (*Brno, Czech Republic*). **On the problem of Prague-Type Pottery Culture in Moravia: the origins and specifics** 117

G. Fusek (*Nitra, Slovakia*). **Earliest Slavic Population on the Territory of Slovakia** 151

I. Stanciu (*Cluj-Napoca, Romania*). **The Earliest Slavs in the Intra-Carpathian Region of Romania.** 163

P. V. Shuvalov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Diverse Slavs in Pseudo-Maurice’s Strategikon.** 217

“... ALL THE WAY ACROSS THE DANUBE ...”

A. Pleterski (<i>Ljubljana, Slovenia</i>). The Early Slavs in the Eastern Alps and Their Periphery	227
Đ. Janković (<i>Belgrade, Serbia</i>). On Slavisation of Northern Illyria and Dalmatia.	249
D. Radičević (<i>Belgrade, Serbia</i>). Towards the Study of the Early Slavic Sites of the Serbian Danube Region (Questions of Chronology and Ethnocultural Belonging)	285
N. Hrisimov (<i>Veliko Tarnovo, Bulgaria</i>). Early Slavic Sites in the North-Eastern Part of the Balkan Peninsula	309

FOLLOW-UP ON EARLIER DISCUSSIONS

L. S. Klejn (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Leningrad Neonormanism Indeed?	345
O. L. Gubarev (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). “Neo-Normanism” or Neo-Antinormanism?.	351
Abbreviations	357
Submissions	359

И. О. Гавритухин

Дунайский «страт» раннеславянской археологии.

От редакторов этого номера

В мировосприятии каждого народа есть эпические, можно сказать — сакральные образы, связанные с «географическими» реалиями. У славян, если говорить в целом, а не про каждый из славянских народов, это, несомненно, Дунай¹. Общеславянский контекст сразу же вызывает ассоциацию с пра- и раннеславянской эпохами, языком, культурами, историей.

Если обратиться к раннеславянской археологии², то придется констатировать, что

¹ Включая и восточных славян, вплоть до Русского Севера. Из весьма обширной, даже на русском языке, литературы отмечу полотно-эссе Дмитрия Алексеевича Мачинского, прежде всего, вспоминая огромный интерес, который вызвал этот текст (Мачинский 1981) у широкого круга молодых (в те годы) советских историков и археологов. Конечно, не только у них, но за этих я готов поручиться как свидетель-соучастник.

² Учитывая скудость письменных источников и сильную ограниченность возможностей антропологии, ключевая роль в исследовании этногенеза и древней/ранней истории славян общепризнанно принадлежит языкознанию и археологии. В лингвистической славистике последнего времени в отношении проблемы «Дунай и славянский этногенез», конечно, важнейшее место занимают труды Олега Николаевича Трубачева (основные собрания в: Трубачев 2003). Реакция на них была неоднозначная, у некоторых коллег — просто негативная. С разработками археологов построения этого замечательного специалиста не стыкуются. Впрочем, О. Н. Трубачев, да и многие лингвисты, в принципе весьма скептически оценивали возможности археологии в изучении этногенеза, ассоциируя этнос с языком прежде всего. С другой стороны, «цепочки», основанные на принятом большинством археологов методе ретроспекции, в отношении славян, если подходить строго, теряются в раннем железном веке, в то время как построения О. Н. Трубачева затрагивают, как минимум, бронзовый век. Стоит отметить, что аналогичные «цепочки» четко выстраиваются не так уж «глубоко» и для других групп народов современности, например, германцев или балтов. Как будут складываться взаимоотношения археологии и языкознания в рамках славистики (речь не идет о многочисленных «опытах» произвольной эквилибристики «фактами», вырванными из научного, источниковедческо-методического

последний систематичный, профессиональный на уровне источниковедения, методически строгий обзор всех доступных (конечно, в основном по публикациям) раннеславянских материалов Подунавья на русском языке содержится в книге Ирины Петровны Русановой (Русанова 1976: 113—136, 188—195). В следующем году выходу в свет этого труда исполнится 40 лет. Для сравнительно молодого научного направления, каковым является раннеславянская археология, учитывая, что начавшийся в 1950-х гг. «раннеславянский археологический бум» продолжался до 1980-х — начала 1990-х гг., это очень большой срок.

В отношении славяно-дунайской проблематики для меня, как московского археолога, сотрудничество со *Stratum plus* органично. Ведь для СССР, в научных школах которого я вырос, Молдавская ССР и примыкающая к ней часть Одесской области Украинской ССР воспринимались как «мост» между Восточной Европой и Балкано-Дунайским регионом. Очень хорошо, если это не будет утеряно и в России, и в Молдове.

Показательно и внимание к открытиям и проблемам современной раннеславянской археологии Подунавья, активизировавшееся на новом уровне исследований славянского Северо-Запада. Этот уровень во многом задан работами польских коллег — Михала

контекста) и что получится — посмотрим. Возвращаясь к дискуссиям вокруг «дунайской» и других гипотез О. Н. Трубачева, стоит отметить заметки о них коллеги-слависта, также «смежника» для лингвистики, Александра Васильевича Назаренко, ценные не только в отношении конкретных построений, но и своим тоном, отношением к исследователю (Назаренко 2009). Безусловно, в любой научной дисциплине плодотворной может быть лишь дискуссия, свободная от гнета штампов, не говоря уже о встречающемся и среди ученых тоталитаризме «концептуальной групповщины».

Парчевского и безвременно ушедшего от нас Марека Дулинича (1957—2010 гг.). С ними связан и ряд опубликованных в Польше материалов и обзоров по раннеславянской археологии Подунавья (Archaeoslavica 2. 1993; 3. 1998; Parczewski 2001; Dulinicz 2007; Dulinicz, Moździoch 2013). Можно назвать ряд публикаций о раннеславянском Подунавье и в России, например, из недавних — сборники, одноименные конференциям «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов». Однако целостную картину по этим (в основном специальным) статьям широкому кругу читателей получить трудно³.

Таковы некоторые разновеликие мотивы, побудившие нас с Романом Ароновичем Рабиновичем взяться за подготовку сборника статей — специального номера *Stratum plus*, в котором русскоязычный читатель может получить представление о современном состоянии и проблемах раннеславянской археологии Подунавья.

Очевидно, что лучше всего это сделают коллеги из соответствующих регионов — специалисты, способные представить такие обзоры. Связавшись с ними по этому поводу, у всех мы нашли понимание и готовность подготовить нужные обзоры, дополненные новейшими материалами и идеями, специально для широкого круга русскоязычных читателей, обратившись к ним через *Stratum plus*. К сожалению, в итоге в предполагаемом нами «панно» остались незаполненными две важные «клетки» — о славянах на основной территории Аварского каганата и о памятниках, расположенных севернее Нижнего Дуная, прежде всего, в современной Валахии (т. н. культура/группы Ипотешть — Кындешть — Чурел). По разным причинам авторы, с которым имела предварительная договоренность, не смогли представить тексты к нужному сроку. Тем не менее, получилась подборка, напоминающая привычную читателям *Stratum plus* «монографию в журнале».

Кроме тематико-географической группировки, понятной, даже если просто взглянуть

на оглавление этого номера *Stratum plus*, публикуемые статьи имеют и другие различия.

Особый блок образуют обзоры Нади Профантовой, Дагмар Елинковой, Габриела Фусека. Они представляют одну из ведущих и старейших школ славистики, в т. ч. в области археологии. Раннеславянские древности на территории современных Чехии, Моравии и Словакии, которым посвящены их статьи, систематически изучались не одним поколением ученых. Не раз публиковались, постоянно уточняясь, соответствующие карты, своды, обзоры памятников, многие из которых введены в научный оборот на уровне современных требований⁴. В основном сформированы и хронологические шкалы. Во всем этом немалая заслуга и наших авторов, ныне — ведущих специалистов в раннеславянской археологии Чешской и Словацкой Республик.

Внимание современных исследователей, наряду с введением в научный оборот новых материалов, здесь сосредоточено на уточнении ряда аспектов уже в целом сложившейся картины. Особенно актуальны вопросы датировки наиболее ранних памятников пражской культуры, которые единодушно связываются с расселением в этом регионе славян. Не менее важно получение максимального числа надежных реперов для абсолютной датировки комплексов, со все более активным использованием естественнонаучных методов. Показательно, что датируется не просто группа находок, а уже во многом понятные периоды, выделяемые в рамках относительной хронологии, для пражской культуры, основанной на типологии керамики. Активно развивается детальное изучение контактов раннеславянской культуры с ее предшественниками и соседями.

В соответствии с традиционной периодизацией, эпоха Великого переселения народов на этих землях сменяется появлением славян, культура которых развивается до современности. Для собственно Чехии (Богемии) и Южной Моравии, земли которых до середины VI в. были заняты лангобардами, новые исследования подтверждают такую картину. Но уже материалы Западной Словакии дали ряд аргументов в пользу синхронизации здешних наиболее ранних памятников пражской культуры, как минимум, с дунайским периодом лангобардской истории (от появления лангобардов к северу от Среднего Дуная в кон-

³ Ряд работ ведущих славистов из Подунавья представлен в публикациях трудов международных конференций и съездов. Однако последний (Шестой) Международный конгресс славянской археологии прошел в 1996 г. в Новгороде. Продолжения, насколько нам известно, не предвидится, хотя необходимость подобных (может быть, не столь масштабных) встреч ощущается многими коллегами, а некоторые из них уже вынашивают планы в этом направлении.

⁴ Здесь и далее более детальную информацию можно получить в упоминаемых статьях этого номера *Stratum plus* и из приведенной там литературы.

це V в. до их переселения в Италию в 568 г.). Наряду с другими данными (см. ниже), это делает актуальной и гипотезу о том, что массовое расселение на севере Среднего Подунавья лангобардов и некоторых славянских групп могло быть скоординировано, например, для действий против местных группировок герулов и остатков свевов (Гавритухин 2003: 111, 112, рис. 1; 2009: 14).

Продолжая эту тему, стоит вспомнить и находки из Журани в Южной Моравии (обзор и литературу см. в: Мастыкова 2013). В этом огромном кургане, наряду с двумя камерами и конскими захоронениями эпохи Великого переселения народов, были открыты и сосуды пражской культуры, связываемые с 1—2 погребениями, которые посчитали частью более позднего небольшого раннеславянского могильника (Poulik 1995: 89—96, с обзором дискуссии о славянских материалах; Abb. 70; 72: 1). Ярослав Тейрал предложил соотнести камеру II, где похоронена женщина, с могилой Салинги, жены лангобардского короля Вахона и дочери герульского короля Родульфа, павшего в битве с лангобардами⁵. Пражские сосуды из Журани относятся к ранним формам, как по выкладкам Г. Фусека, так и Д. Елинковой, что позволяет считать их близкими по времени лангобардским памятникам. Отметим и то, что для пражской культуры этого региона характерны грунтовые (бескурганные) могильники. Славяне, погребенные в этом кургане, могли быть из свиты (для того времени нередко полиэтничной) королевны или другого представителя лангобардской элиты (ср. славянскую дружину лангобардского принца Ильдигиса; интерпретацию могильника Гросспрюфенинг, с которой согласен ряд наших авторов)⁶. Если и не принимать это рискованное допущение, вполне можно

предполагать знакомство славян со значением Жураньского «мавзолея» (как его иногда называют) для их предшественников на южно-моравских землях.

Для многих специалистов по пражской культуре появление славян к северу от Среднего Дуная ассоциируется прежде всего с «востоком», иногда однозначно с территорией Украины. В качестве аргумента фигурируют и украшения с трапециевидными подвесками. О них писали неоднократно, и большинство исследователей, начиная с Агнеш Шош и Марии Комши, включая и наших авторов, указывают на истоки этого убора в Среднем Поднепровье. Однако основная зона концентрации уборов с трапециевидными подвесками, аналогичными большинству дунайских, если рассматривать их на уровне вариантов, а не обобщенно, расположена севернее — от Мазурского поозерья до Среднего Поочья, и соединяют эту полосу с Подунавьем находки из бассейна Вислы (Гавритухин 1997б). Причем число таких подвесок в лесной зоне Восточной Европы, по сравнению с опубликованным в 1997 г. каталогом, выросло, по моим данным, почти в 1,5 раза. Их значимость подтверждают и находки небольших пластинчатых трапециевидных подвесок с полосками из точек, расположенными в основном по нижнему краю подвески, аналогичных большинству обсуждаемых подунайских находок, в комплексах, датированных по материалам рязано-окских могильников начиная с V в. (Белоцерковская 2014: рис. 3: 27), т. е. заведомо раньше, чем в Подунавье.

Говоря о связях раннеславянских памятников Подунавья и более северных земель, следует отметить, что Верхнее Повисленье большинство специалистов включают в зону ранних находок пражской культуры на территории Польши (Русанова 1976: рис. 75; Parczewski 1988: rys. 21; Гавритухин 1997а: рис. 2; 2009: карта на с. 11; 2014). Оттуда через Моравские ворота ведет близкий и давно освоенный путь на Дунай. Все это делает реальным предположение о движении славян в Северное Подунавье с севера, через земли Северной Моравии (где, как отмечают моравские коллеги, лангобардские памятники не известны) до территории Западной Словакии (Гавритухин 2003: 112, рис. 1; 2009: карта на с. 11; 2014). Конечно, это не более чем гипотеза, подтверждение или опровержение которой должно дать исследование древнейших славянских памятников, с одной стороны, Северной Моравии, с другой — Центральной

⁵ Впрочем, инвентарь из камеры II в основном датируется широко, а бусы, как показала Анна Владимировна Мастыкова, явно более ранние, чем на памятниках лангобардов. Однако находка близ камеры I деревянного предмета во II германском зверином стиле (не ранее середины VI в.) все же указывает на актуальность для памятника контекста лангобардо-славянской эпохи. Бусы же, как и часть других деталей убора, могли происходить, например, из приданого герульской принцессы (в женских «ларчиках» нередко бабушкины и даже еще более ранние украшения).

⁶ Следует иметь в виду, что пражские горшки склеены из фрагментов, лежавших компактно в заполнении камеры II, наряду с другими вещами, в т. ч. знаменитой резной позднеантичной пиксидой. Т. е. содержимое этих сосудов неизвестно: это могли быть не урны, а часть инвентаря.

и Восточной Словакии. К сожалению, они известны пока очень слабо.

В отдельный блок нашего сборника статей можно выделить обзоры по регионам на западе и северо-востоке Славянского Подунавья, где в изучении раннеславянской культуры в недавнее время произошли прорывы, кардинально меняющие существовавшие представления. Этому посвящены статьи Андрея Плетерского и Иоана Станчу.

На западе упомянутые прорывы связаны с двумя зонами. Первая — Северо-Восточная Словения и Северо-Западная Хорватия, где в ходе полевых исследований (первоначально главным образом новостроечных) был открыт целый пласт раннеславянских памятников, в т. ч. имеющих серию радиоуглеродных дат. Следует отметить, что, помимо наиболее ранних, которые обсуждает А. Плетерский, уже к 2010 г. для VI—VIII/IX вв. их было более 50. В сопоставлении с наблюдениями над сменой керамических форм и наборов, получается хронологическая шкала (один из ее вариантов и важнейшие материалы см. в: Pleterski 2010: 85—160). Она подтверждает ранние даты упомянутых архаичных комплексов и соотносима со шкалами, созданными для других регионов славянского мира этого времени.

Еще более неожиданными стали результаты раскопок в глубине Баварии, позволяющие говорить об очень раннем (на фоне бытовавших взглядов) проникновении славян в Верхнее Подунавье (вплоть, как минимум, до Регенсбурга)⁷ на основе не единичных находок. Важнейшие материалы могильника Гросспрюффенинг, в т. ч. ряд надежных хронологических реперов (рис. 12 к статье А. Плетерского в этом номере *Stratum plus*), вскоре после немецкой публикации нашли отражение в изданиях Словении и Польши (Pleterski 2010; Dulinicz 2007; Lossert 2008). Теперь они «под рукой» и у широкого круга русскоязычных читателей. Кроме того, следует отметить исследования в Баварии и раннеславянских поселений, соотносимых по времени с упомянутым могильником, о которых есть предварительная информация (Lossert 2008: 338—344).

А. Плетерский, опираясь на эти материалы, а также на реализованный им комплексный проект в Бледе, предлагает новое понимание не только раннеславянской истории между Дунаем и Северной Адриатикой, но и ряда особенностей механизмов расселения, общественного строя, духовной культуры славян. Эти надрегиональные штудии, конечно, вызовут отклик широкого круга и восточноевропейских славистов, дополняя другие публикации словенского коллеги на русском языке.

Новые данные свидетельствуют о появлении славян у Юго-Восточных Альп не позднее, чем лангобарды продвинулись к югу от оз. Балатон (вероятно, 540-е гг.), а может быть, и раньше того, а в Верхнем Подунавье — не позднее середины или 2-й половины VI в. Это хорошо стыкуется с ранними (не позднее 1-й половины VI в.) датировками пражской культуры на территории Западной Словакии. Такие даты открывают новые перспективы и в понимании лангобардских могильников на территории Венгрии (Сент-Эндре и др.), где известны сосуды, аналогии которым характерны для пражской культуры. Иштван Бона, собравший эти необычные для культуры лангобардов экземпляры еще в 1960-е гг., связывал их с субстратным германским населением (скорее всего, свевами). Однако было обращено внимание на дискуссионность такой атрибуции (Русанова 1976: 188—189; Гавритухин 1997а: 45). Присутствие групп славян в зоне, контролируемой лангобардами, органично вписывается в картину славяно-лангобардских связей, все более конкретизируемую новыми находками.

Следует учесть и присутствие в немалом количестве пражской керамики на ряде памятников в зоне Аварского каганата, сменившего в Паннонии лангобардов, которое сейчас уже не вызывает сомнений (Vida 1999). Показателен могильник Колькед-Фекетекапу А, в ранней зоне которого («раннеаварский» период I; ок. 568 г. — 620/640-е гг.) наряду с посудой, сделанной на гончарном круге, и лепной германской, много керамики пражского типа (обзор и литературу см. в: Гавритухин 2001). Пражская керамика есть и на расположенном неподалеку поселении (к сожалению, оно не опубликовано). Отметим и погр. 39 (Гавритухин 2001: рис. 27; 58), соотношенное Петером Штадлером именно с лангобардами, что не вызвало возражений специалистов. По мнению Аттилы Киша, автора раскопок в Колькеде, этот комплекс памятников связан с гепидами, причем основные аналогии ряду находок из упомянутого могиль-

⁷ По любезному сообщению Патрика Пирена, трапезиевидная подвеска, аналогичная тем, что связываются со славянским контекстом в Подунавье (см. выше), есть и в одном из погребений меровингской культуры на территории Франции. Конечно, одна находка — не повод для доказательных построений. Но ее стоит иметь в виду, ведь могут быть и другие.

ника в Колькеде указаны в Трансильвании. Однако это не исключает наличия субстратного славяно-лангобардского населения, а удивительное однообразие погребального обряда свидетельствует о синтезе культур задолго до того, как начал функционировать этот могильник. Причем он справедливо относится к числу наиболее ранних среди памятников, связываемых с Аварским каганатом.

К сожалению, исследования раннеславянской культуры на территории Венгрии малочисленны и разрозненны. Остается надеяться, что венгерские коллеги обратят на это внимание, и, конечно, их труды будут доступны широкому кругу читателей, в т. ч. русскоязычных.

Недавний прорыв в изучении раннеславянской культуры и истории на северо-востоке Подунавья связан с И. Станчу. Проведенные им целенаправленные полевые исследования и образцовые публикации сделали Клуж-Напоку важнейшим центром изучения раннеславянской культуры всего Верхнего Потисья, находящегося на стыке современных Румынии, Венгрии, Словакии, Украины. Монографическое исследование И. Станчу этих материалов на широком фоне стало заметной вехой в изучении пражской культуры в целом (к сожалению, в недавние годы ослабевшему). Опираясь на этот потенциал, румынский коллега предлагает свое видение процессов, связанных с ранними славянами, на обширных пространствах, включающих, кроме «базового» для него региона, памятники Трансильвании, бассейна Верхнего Олта, Румынского Баната.

Отметим, что работы И. Станчу способствовали краху последних прибежищ некогда господствовавшей среди ряда ученых теории о появлении славян в Карпатском бассейне лишь с аварами. Она всегда была не более чем умозрительным построением, но теперь писать об этом могут лишь те, кто игнорирует археологию как науку.

Чтобы оценить масштаб упомянутых прорывов в раннеславянской археологии Подунавья, достаточно посмотреть на актуальные еще сравнительно недавно обзор и карту пражских памятников Подунавья к югу от Чехословакии (Русанова 1976: 188—191, 193; рис. 71). На этой карте, если не считать Румынскую Молдову и Мунтению, обозначено лишь 7 (!) пунктов. Даже если передвинуть на место, в верховья Олта, селища Поян и Чернат, помещенные по недосмотру (очень показательному) на Сирет, картина принципиально не изменится. Восточные отроги Альп

и Северо-Запад Румынии, о которых мы только что говорили, на этой карте пусты.

Новых монографических аналитических обобщений на широком фоне, подобных работе И. Станчу, требуют и памятники, расположенные между Карпатами и Нижним Дунаем. К сожалению, в нашей подборке здесь образовалась лакуна, которую румынские коллеги, наверное, рано или поздно заполнят. Потенциал для этого есть — подавляющее большинство памятников этого региона, важных для дискуссии о ранних славянах, опубликовано лишь выборочно, а то и в виде кратких сообщений, включая огромный некрополь в Сэрата-Монтеору, масштабные спасательные работы в Бухаресте, да и эпонимные Ипотешть, Кындешть, Чурел. Есть и новые аналитические разработки Андрея Мэгуриану, Еужена Теодора и других коллег.

Еще более весом потенциал памятников Восточного Прикарпатья (иногда забывается, что Прут принадлежит Дунайскому бассейну) благодаря систематическим полевым исследованиям и ряду обобщений Дана Теодора, Исаака Александровича Рафаловича, Иона Митри и других археологов. Вот лишь один пример. Внимание многих специалистов по раннеславянским культурам привлекают печи, врезанные в бок котлована постройке. На раннеславянском селище Скок (близ села Требужены в Оргеевском районе Республики Молдова) были отмечены случаи, когда выброс из этих печей был зафиксирован заметно выше пола постройки⁸. Т. е. это были печи, не одновременные обычным печам-каменкам в углу жилища, а впущенные в котлован, частично заплывший и использованный вторично. Не исключено, что это имело место и в других случаях, включая обсуждаемые нашими авторами. Однако вернемся к тому, что есть в этом номере *Stratum plus*.

Еще один блок статей в нем представляет раннеславянскую археологию на Балканах. Несмотря на труды плеяды, включающей Зденко Вински, Ирму Чремошник, Бошко Бабица, Живку Выжарову, Стефку Ангелову и других археологов, интересующая нас область славистики пока находится здесь все еще на стадии первичного накопления ма-

⁸ Я работал на этом памятнике лишь один месяц в 1986 г. Отрядом по его изучению в составе экспедиции Павла Петровича Бырни руководил Николай Петрович Тельнов, а непосредственно раскопом — Р. А. Рабинович, ныне соредактор данного номера *Stratum plus*. Памятник опубликован лишь выборочно. Об этом сезоне см. (Тельнов, Рабинович 1992).

териалов и выработки рабочих гипотез. Оба этих направления представлены в нашей подборке.

Джордже Янкович, один из старейшин сербской славистики, опираясь на огромную эрудицию, привлек разные археологические источники (от керамики и элементов убора до нумизматики и архитектуры), «актуализируя» критическое рассмотрение ряда памятников сведениями, донесенными до нас как письменной, так и этнографической традициями. В этом свете картина раннеславянской истории для огромного пространства Западных Балкан, пожалуй, представлена впервые. Конечно, в небольшой статье, да и вообще на уровне современной славянской археологии этого региона, такая картина может быть только пунктирной. Правильность этих линий будут проверять уже систематические специальные исследования, для которых очень важно сохранить широкий взгляд на проблему.

К таким исследованиям относятся публикуемые работы следующего поколения балканских археологов — Деяна Радичевича (ученика Д. Янковича) и Николая Хрисимова. В их основе — каталоги памятников и критический анализ материалов. Остается ждать, когда подобные работы будут сделаны для других частей Балкан. Кроме ревизии имеющегося материала, что уже дает заметные результаты, для развития раннеславянской археологии на Балканах особенно необходимы масштабные целенаправленные проекты, включающие систематические «тематические» разведки, многолетние раскопки опорных памятников, соответствующие современным требованиям публикации.

Из наблюдений, представленных в статьях «балканского» блока, очень важным является вывод о включенности некоторых групп славян в военно-политическую структуру Византии, освоения ими опыта городской жизни еще в рамках Империи. В какой степени это связано с формированием и особенностями славянских государств в этом регионе — особый вопрос. VII—VIII вв. все еще остаются в истории Балкан «темными».

К работе Михаила Михайловича Казанского мы обращаемся после рассмотрения региональных блоков, хотя в сборнике она заслуженно стоит первой. Несмотря на то, что расселение славян далеко не всегда имело форму военной экспансии (данные археологии в этом вопросе существенно корректируют картину, складывающуюся из чтения пись-

менных источников), любое переселение, да и просто существование в эпоху Великого переселения народов было невозможно, если люди не были вооружены или не находились под защитой вооруженных отрядов. На важность создания объективной картины в этом вопросе по археологическим источникам М. М. Казанский давно обратил внимание. Публикуемая работа подводит итог циклу его исследований по раннеславянскому вооружению, включая снаряжение всадника и коня. Очень важно наличие каталога, ведь малое число вещеvedческих сводов — одна из слабых сторон советской и постсоветской (и не только) славянской археологии.

Статья Петра Валерьевича Шувалова не стоит особняком на фоне представленной подборки. Мы привыкли, что именно открытия в раннеславянской археологии дают новые перспективы в интерпретации довольно скудного корпуса древнейших письменных источников о славянах. О новых возможностях в понимании одного из наиболее ранних среди них — текста Мартина из Браги — убедительно сказано в ряде статей нашего сборника. Детальная текстологическая работа (мы публикуем одну из этого цикла) позволяет П. В. Шувалову «стратифицировать» сведения, содержащиеся в одном из важнейших ранневизантийских сочинений, где речь идет о славянах, расширив круг самых ранних письменных свидетельств о них.

Среди сюжетов, связанных с раннеславянской историей, внимание многих исследователей привлекает рассказ Прокопия Кесарийского об уходе довольно многочисленной группы герулов из Среднего Подунавья в Скандинавию. Их путь проходил через многие племена славян, а происходило это в начале или первых десятилетиях VI в. (вскоре после разгрома герулов лангобардами). Один из вариантов реконструкции этого «трека» (через Нижнее Подунавье, Восточное Прикарпатье, Повисленье и далее к Ютландии) был поддержан одним из ведущих специалистов в раннеславянской археологии М. Парчевским. Это сделало упомянутую реконструкцию особенно популярной. Однако строгому в отношении источниковедения польскому коллеге, когда он в 1980-е гг. писал об этом, не могли быть известны разработки Г. Фусека о датировках пражских памятников Словакии и открытия И. Станчу в Верхнем Потисье. В свете этих данных герулы вполне могли пройти через перевалы, связывающие Верхнее Потисье с Юго-Восточной Польшей, или через Моравские ворота.

Говоря о ранних славянах в Подунавье, трудно пройти мимо работ Флорина Курты. Острый критический ум и обширная эрудиция сделали его многочисленные публикации (на ряд из них ссылаются наши авторы) весьма полезными для обсуждаемой здесь проблематики. Однако некоторые концепции, в числе которых «конструирование» славян византийскими писателями («The Making of the Slavs» вынесено в название одной из книг Ф. Курты), отказ от понятия «пражская культура» и др., вызвали дискуссии и не были приняты ни одним из специалистов, включая наших авторов. Следует сказать, что дискуссий в раннеславянской археологии давно не было, а для развития любого направления исследований они очень полезны, и, конечно, значение работ румынско-американского коллеги не исчерпывается этим.

Упомянем в этой связи и пальчатые фибулы. Один из признанных авторитетов в их изучении, Иоахим Вернер, выделил из них три группы⁹, которые в статье 1950 г., основополагающей для изучения этих фибул, он так и назвал — «славянские» (Werner 1950), не отказавшись от этого термина и в более поздних работах. Ведь им же и другими признанными специалистами выделялись фибулы, которым не без причин давались названия «тюрингские», «англо-саксонские», «лангобардские», «готские» и т. п. Можно встретить и название «германские», впрочем, последнее иногда понималось как синоним всех пальчатых фибул.

Позднее многие археологи стали избегать для обозначения групп находок или памятников этнических привязок. По ряду причин особенно радикально к этому вопросу подошли польские коллеги. Сейчас уже мало кто помнит, что вместо привычных нам «пшеворской», «оксывской», «вельбаркской» культур фигурировали «бургундская», «венедская» (подразумевалась, конечно, «древнеславянская»), «гото-гепидская». Следует признать, что это было только на пользу делу. В отечественной литературе для обозначения кладов, отнесенных Александром Андреевичем Спицыным к «древностям антов», стали писать более корректно — «днепровские раннесредневековые», «круга Мартыновского» (по одной из первых и самой знаменитой находке). Для «славянских» фибул по И. Вернеру я в 1991 г. предложил термин «поствосточ-

ногерманские», отмечая неоднозначность привязки каждой из них к славянам, производность от фибул, соотносимых с восточногерманскими народами (в чем не было особых сомнений), но и своеобразие на их фоне (Гавритухин 1991: 127). Больше внимания многие исследователи стали уделять статусу вещи, а не ее «этничности». Да и применимость в принципе термина «этнос», заимствованного из этнологии, к древности стала предметом дискуссии¹⁰.

Как нередко бывает, «маятник» (точнее — «виток спирали») сейчас пошел в обратную сторону. Это хорошо видно даже по подборке в данном номере *Stratum plus*. В номенклатуре фибул фигурирует название конкретного типа и группы по И. Вернеру (напр., IC — тип C группы I), но опускается общее («этническое») название этих групп. Связь со славянами исходит не из априорной атрибуции вещи, а из контраста археологических и историко-культурных контекстов, с которыми они связаны.

Данный номер *Stratum plus* посвящен 150-летию со дня рождения замечательного чешского слависта и археолога — Любора Нидерле. Конечно, это сделано не только из-за «круглой» даты и из-за принадлежности этого ученого придунайской стране. Если пользоваться употребленным выше образом «маятника/спирали», Л. Нидерле находится на «фазе», «симметричной», созвучной нынешней. Его труды (и печатные, и на преподавательском, и на общественно-просветительском поприще) задавали «тон», стиль исследователям, к которым принадлежат и многие из нашего поколения славистов, критичностью к используемым материалам, строгостью суждений, вынесением «за скобки» науки существующих у каждого нормального человека национальных пристрастий, не говоря уже о политической позиции. При этом уход в научных исследованиях от романтизма национального возрождения не перерос у Л. Нидерле в нигилизм жесткого критицизма (конечно, по отношению к оппонентам), тем более — в агностицизм¹¹.

¹⁰ Впрочем, многие этнологи, возможно, не подозревая об этих «баталиях» археологов, стали употреблять термин «этнос» предельно широко.

¹¹ Не стоит дальше развивать этот образ. Все же наука — не аппарат, подчиняющийся законам механики, и развитие ее не предначертано. Хотя примеры стремлений (нередко управляемых) исходить из эмоций, а не разума, в последнее время только растут.

⁹ Одна из них в русскоязычной литературе часто называется «антропоморфные» и рассматривается отдельно от «собственно» пальчатых фибул.

Не имея безусловных аргументов для подтверждения или опровержения ряда наблюдений предшественников и коллег, Л. Нидерле не избегал «неудобных» или спорных мест. Отсюда и «двойственность» его суждений о ранних славянах на Дунае. Основной массив бесспорных фактов свидетельствовал об одном, но есть те, что допускают «люфт». Оказалось, что один из этих «люфтов», например, про довольно ранее (сравнительно с «безусловным») присутствие групп славян на Дунае, находит все большее подтверждение в новейших археологических открытиях. Это ряд авторов нашего сборника отметили, конечно, не просто из пиетета к юбиляру.

Юбилейный блок данного номера *Stratum plus* включает краткую био-библиографическую справку о Л. Нидерле, подборку некоторых материалов, связанных с его жизнью и деятельностью, полемическое эссе известного российского историка Владимира Яковлевича Петрухина об актуальности наследия Л. Нидерле для современной российской историографии.

Память о Л. Нидерле и внимание к его творчеству, конечно, не исчерпывается юбилеями. Достаточно вспомнить некоторые факты и имена, связанные с Л. Нидерле, в науке и культуре России.

Хоть и очень краткая, без подписи, но специальная статья о Л. Нидерле появилась уже в энциклопедии «Брокгауза и Ефрона».

Перевод одного из первых значительных научных трудов Л. Нидерле «Человечество в доисторические времена» (1898 г.) был сде-

лан Федором Кондратьевичем Волковым (Вовком), замечательными этнографом, антропологом, археологом. Редактированием этого труда занимался Дмитрий Николаевич Анучин, выдающийся географ, этнограф, антрополог, археолог. Он же написал к этому изданию предисловие, свидетельствующее о его тесных контактах с автором.

Перевод «Обозрения современного славянства» (1909 г.) вышел под редакцией Игнатия Викентьевича (Ватрослава) Ягича, выдающегося лингвиста и филолога.

Перевод «Славянских древностей» (1956 г.) редактировал замечательный археолог-энциклопедист Александр Львович Монгайт. Предисловие написал выдающийся археолог-славист Петр Николаевич Третьяков.

Статью о Л. Нидерле в 3-м издании Большой Советской энциклопедии написал замечательный археолог и историк-медиевист Артемий Владимирович Арциховский.

Статью о Л. Нидерле для Большой Российской энциклопедии подготовила Д. Елинкова, один из авторов данного номера *Stratum plus*.

Возвращаясь к нашей с Р. А. Рабиновичем задумке, откроем секрет. Кроме блока «Ранние славяне на Дунае» (значительная часть которого представлена в этом номере *Stratum plus*), речь шла о блоках «Славяне на пути к Дунаю» (по сути, к нему относится публикуемая статья М. М. Казанского) и «Дунай у славян». Некоторым специалистам, с которыми мы говорили, эти идеи понравились, и они дали предварительное согласие участвовать в их реализации.

Литература

- Белоцерковская И. В. 2014. Женский костюм окских финнов V—VII вв. Традиции и новации. В: Обломский А. М. (отв. ред.). *Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов*. Раннеславянский мир 15. Москва: ИА РАН, 178—229.
- Гавритухин И. О. 1991. Пальчатые фибулы пражских памятников Приднестровья. В: Абрамов А. П. и др. (отв. ред.). *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. Москва: Гос. музей искусства народов Востока; Московский археологический информационный центр, 127—141.
- Гавритухин И. О. 1997а. Хронология пражской культуры. В: Седов В. В. (отв. ред.). *Труды VI Международного конгресса славянской археологии 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян*. Москва: ИА РАН, 39—52.
- Гавритухин И. О. 1997б. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю. *Гістарычна-археалагічны зборнік* 12. Минск, 43—58.
- Гавритухин И. О. 2001. Хронология «среднеаварского» периода. В: Евлевский А. В. (гл. ред.). *Ступи Европы в эпоху средневековья 2. Хазарское время*. Труды по археологии. Донецк: ИА НАНУ; Донецкий нац. университет, 45—162.
- Гавритухин И. О. 2003. Взаимоотношения славянских и восточногерманских народов во второй половине V — начале VI вв. В: Шишлина Н. И. (отв. ред.). *Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее* II. Тезисы конференции. Москва: ГИМ; ИА РАН; ИИМК РАН; Гос. Эрмитаж; СамГПУ, 109—113.
- Гавритухин И. О. 2009. Понятие пражской культуры. *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света*. ТГЭ XLIX. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 7—25.
- Гавритухин И. О. 2014. Пражская культура. *Большая*

№5. 2015

- Российская энциклопедия 27. Москва: Большая Российская энциклопедия, 375—376.
- Мастыкова А.В. 2013. Бусы эпохи Великого переселения народов из «королевского» кургана Журань в Южной Моравии. *Краткие сообщения Института археологии* 228. Москва, 46—63.
- Мачинский Д.А. 1981. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии. *Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора*. Ленинград: Наука, 110—171.
- Назаренко А.В. 2009. *Gno- suom genom «Знай свой род»: размышления историка на междисциплинарном пограничье (памяти О.Н. Трубачева). В: Назаренко А.В. *Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования)*. Древнейшие государства Восточной Европы 2007 год. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке: 361—372.
- Русанова И.П. 1976. *Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа*. Москва: Наука.
- Тельнов Н.П., Рабинович Р.А. 1992. Археологические раскопки на поселении Скок. *АИМ* 1986. Кишинев, 208—223.
- Трубачев О.Н. 2003. *Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования*. 2-е издание. Москва: Наука.
- Archaeoslavica* 2. 1993. Kraków.
- Archaeoslavica* 3. 1998. Kraków.
- Dulinicz M. 2007. Wczesnosłowiańskie obiekty archeologiczne na południe od Karpat, Sudetów i Rudaw datowane metodami bezwzględnyymi. *Archeologia Polski* LII, 81—130.
- Dulinicz M., Moździoch S. (eds.). 2013. *The early Slavic settlement in Central Europe in the light of new dating evidence*. Interdisciplinary Medieval Studies III. Wrocław: IAE PAS.
- Lossert H. 2008. Slawen in der Oberpfalz — eine Bestandsaufnahme. *Acta Archaeologica Carpatica* XLII—XLIII, 299—370.
- Parczewski M. 1988. *Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład narodowy im. Ossolińskich. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
- Parczewski M. (red.). 2001. *Quellen zur slawischen Besiedlung im Karpatengebiet* 1. Moravia Magna. Seria Polona I. Kraków: Polska Akademia Umiejętności.
- Pleterski A. 2010. *Zgodnjesrednjeveška nasebina na blejski Pristavi. Tafonomija, predmeti in čas. = Frühmittelalterliche Siedlung Pristava in Bled. Taphonomie, Fundgegenstände und zeitliche Einordnung*. Opera Instituti archaeologici Sloveniae 19. Ljubljana: Založba ZRC.
- Poulik J. 1995. Žuráň in der Geschichte Mitteleuropas. *Slovenská archeológia* 43, 27—109.
- Werner J. 1950. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts. In: Behrens G. (Hrsg.). *Reinecke Festschrift zum 75. Geburtstag von Paul Reinecke am 25. September 1947*. Mainz: E. Schneider, 150—172.
- Vida T. 1999. *Die awarenzeitliche Keramik I*. (6. — 7. Jh.). *Varia Archaeologica Hungarica* VIII. Berlin; Budapest: Balassi Kiadó.

References

- Belotserkovskaia, I.V. 2014. In *Problemy vzaimodeistviia naseleeniia Vostochnoi Evropy v epokhu Velikogo pereseleniia narodov* (Issues of Interrelations of Eastern European Population during the Great Migrations Period). *Ranneslavianskii mir* (Early Slavic World) 15. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology, 178—229 (in Russian).
- Gavritukhin, I.O. 1991. In *Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ia* (Antiquities of Northern Caucasus and Pontic Region). Moscow: "Moskovskii arkheologicheskii in formatsionnyi tsentr" Publ., 127—141 (in Russian).
- Gavritukhin, I.O. 1997. In *Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavianskoi arkheologii* 3. *Etnogenez i etnokulturnye kontakty slavian* (Proceedings of 6th International Congress of Slavic Archaeology 3. Ethnogenesis and Ethno-Cultural Contacts of the Slavs). Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology, 39—52 (in Russian).
- Gavritukhin, I.O. 1997. In *Historychna-arkhealahichny zbornik* (Historical-Archaeological Collected Works) 12. Minsk, 43—58 (in Russian).
- Gavritukhin, I.O. 2001. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia* (Steppes of Europe in the Middle Ages) 2. *Khazarskoe vremia* (Khazar Time). Donetsk: Archaeology Institute of the Ukraine National Academy of Sciences; Donetsk National University, 45—162 (in Russian).
- Gavritukhin, I.O. 2003. In *Cheniia, posviashchennye 100-letiiu deiatel'nosti Vasilii Alekseevicha Gorodtsova v Gosudarstvennom istoricheskom muzee* (Readings to Celebrate 100 Years from the Beginning of Vasilii Alekseevich Gorodtsov' Activity in the State Historical Museum) II. Abstracts of the Conference. Moscow, 109—113 (in Russian).
- Gavritukhin, I.O. 2009. In *Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Starogo Sveta* (Development of Russian Statehood in the Context of Early Medieval History of the Old World). Proceedings of the State Hermitage Museum XLIX. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 7—25 (in Russian).
- Gavritukhin, I.O. 2014. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia* (Great Russian Encyclopedia) 27. Moscow: "Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia" Publ., 375—376 (in Russian).
- Mastykova, A.V. 2013. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (Concise Bulletins of the Institute for Archaeology) 228. Moscow, 46—63 (in Russian).
- Machinskii, D.A. 1981. In *Russkii Sever. Problemy etnografii i folklora* (Russian North: Issues of Ethnography and Folklore). Leningrad: "Nauka" Publ., 110—171 (in Russian).
- Nazarenko, A.V. 2009. In *Drevniaia Rus' i slaviane (istoriko-filologicheskie issledovaniia)* (Ancient Rus' and Slavs (Historical and Philological Studies)). *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy 2007 god* (The Earliest States of Eastern Europe 2007). Moscow: "Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu i Nauke" Publ., 361—372 (in Russian).
- Rusanova, I.P. 1976. *Slavianskie drevnosti VI—VII vv. Kul'tura prazhskogo tipa* (Slavic Antiquities of the 6th—7th Centuries. The Culture of the Prague Type). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Tel'nov, N.P., Rabinovich, R.A. 1992. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii 1986 g.* (Archaeological Investigations in Moldova, 1986). Kishinev: "Știința" Publ., 208—223 (in Russian).
- Trubachev, O.N. 2003. *Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavian. Lingvisticheskie issledovaniia* (Ethnic Genesis and Culture of the Earliest Slavs: Linguistic Studies). 2nd ed. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Archaeoslavica* 2. 1993. Kraków.
- Archaeoslavica* 3. 1998. Kraków.

- Dulinicz, M. 2007. Wczesnosłowiańskie obiekty archeologiczne na południe od Karpat, Sudetów i Rudaw datowane metodami bezwzględnyymi. *Archeologia Polski* LII, 81—130.
- Dulinicz, M., Moździoch, S. (eds.). 2013. *The early Slavic settlement in Central Europe in the light of new dating evidence*. Interdisciplinary Medieval Studies III. Wrocław: IAE PAS.
- Lossert, H. 2008. Slawen in der Oberpfalz — eine Bestandsaufnahme. *Acta Archaeologica Carpatica* XLII—XLIII, 299—370.
- Parczewski, M. 1988. *Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład narodowy im. Ossolińskich. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
- Parczewski, M. (red.). 2001. *Quellen zur slawischen Besiedlung im Karpatengebiet 1. Moravia Magna. Seria Polona I*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności.
- Pleterski, A. 2010. *Zgodnjesrednjeveška naselbina na blejski Pristavi. Tafonomija, predmeti in čas. = Frühmittelalterliche Siedlung Pristava in Bled. Taphonomie, Fundgegenstände und zeitliche Einordnung*. Opera Instituti archaeologici Sloveniae 19. Ljubljana: Založba ZRC.
- Poulik, J. 1995. Žuráň in der Geschichte Mitteleuropas. *Slovenská archeológia* 43, 27—109.
- Werner, J. 1950. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts. In: Behrens, G. (Hrsg.). *Reinecke Festschrift zum 75. Geburtstag von Paul Reinecke am 25. September 1947*. Mainz: E. Schneider, 150—172.
- Vida, T. 1999. *Die awarenzeitliche Keramik I. (6.—7. Jh.)*. Varia Archaeologica Hungarica VIII. Berlin; Budapest: Balassi Kiadó.

Статья поступила в номер 1 сентября 2015 г.

Igor Gavritukhin (Moscow, Russian Federation). Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences¹.

Igor Gavritukhin (Moscow, Russia). Institutul de Arheologie, Academia de Științe a Rusiei.

Гавритухин Игорь Олегович (Москва, Россия). Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: gavritukhin@rambler.ru

Address: ¹ Dmitriya Ulyanova Str., 19, Moscow, 117036, Russian Federation